

САЛАМАТОВ Е.А.
кандидат юридических наук, доцент

Экспертное заключение на Концепцию проекта Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (новая редакция)¹

Необходимость пересмотра Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее - УИК) обусловлена начавшимся процессом разработки проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан новой редакции (далее - УК), Концепция которого уже одобрена Президентом страны². Несмотря на то, что уголовно-исполнительное законодательство имеет самостоятельный предмет регулирования, оно, как известно, является производным от уголовного законодательства, и поэтому, своевременное ее обновление и приведение в соответствие с уголовным законодательством способствует их общему гармоничному совершенствованию и качественной взаимосвязи в практической плоскости. Соответствующее положение о комплексной и взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права и правоприменения закреплено и в Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 года³, на что, вполне обоснованно ссылаются авторы Концепции проекта УИК новой редакции (далее - Концепция).

Вместе с тем, пока не разработан сам проект УК новой редакции, с учетом озвученных в Концепции к нему революционных положений относительно уголовной ответственности юридических лиц и уголовного проступка, а также нет полной ясности в части обновленной системы уголовных наказаний, составляющей ядро уголовно-исполнительного законодательства, любые попытки сконструировать хотя бы скелет будущего проекта УИК обречены на неудачу. Исходя из круга и характера вопросов, затронутых в Концепции к УИК, это видимо прекрасно понимают и сами разработчики.

Тем не менее, анализ представленной Концепции в части предложений по обновлению УИК вызывает в целом одобрение, хотя данные предложения носят тезисный характер и многие из них лишены обоснования. Это, в свою очередь, придает Концепции некую недосказанность и сужает поле для ее обсуждения. Не смотря на это, попытаемся это сделать логически исходя из того что имеем.

1. Первое, с чем предлагают нам ознакомиться авторы Концепции проекта УИК, это его будущая структура. Она почти копирует структуру действующего УИК, за исключением некоторых моментов. Один из них касается преобразования первых трех глав, входящих в единственный раздел общей части действующего УИК в самостоятельные три раздела в будущем УИК. Авторы не поясняют с чем связано данное структурное изменение, и оно кажется на первый взгляд непринципиальным.

¹ Настоящее экспертное заключение подготовлено Центром исследования правовой политики при финансовой поддержке Центра ОБСЕ в Астане. Мнения и взгляды, содержащиеся в анализе, не отражают точку зрения Центра ОБСЕ в Астане.

² Официальное название – Концепция проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан (новая редакция).

³ Утвержденной, Указом Президента РК 24 августа 2009 года № 858.

Однако, эта реструктуризация выглядит вполне оправданной если учесть, что в обновленном УИК предлагается закрепить такие важные аспекты, как: разъяснение используемых в УИК терминов, соотношение национального законодательства и положений международных договоров относящихся к исполнению наказания и обращению с осужденными, принципы уголовно-исполнительного законодательства, порядок исчисления сроков наказаний, механизм применения мер взыскания и поощрения к ним, обновленные механизмы осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Все эти положения по своей природе являются элементами общей части УИК, поэтому, как нам представляется, преобразование действующих глав в разделы связано с их будущим расширением и неизбежной внутренней разбивкой разделов на главы.

2. Вызывает поддержку стремление разработчиков Концепции детализировать в самостоятельных статьях будущего УИК содержание основных принципов уголовно-исполнительного законодательства. Значение принципов сложно переоценить, они крайне важны, как с точки зрения исходных положений для соблюдения единообразной правоприменительной практики в отношении осужденных лиц, так и обеспечения логической последовательности при совершенствовании УИК. Поэтому, помимо сохранения действующих принципов, с учетом накопившихся проблем и перспектив развития, не будет лишним изучить вопрос о потребности в дополнительных принципах.

К примеру, многочисленные изменения последних лет в Уголовно-исполнительный и Уголовный (прежде всего) кодексы существенно ослабили правовые механизмы стимулирования осужденных к правопослушному поведению. Это касается запрета на условно-досрочное освобождение (УДО) лиц, ранее уже освобождавшихся по этому основанию, либо нераспространение амнистии на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, даже путем частичного снижения срока наказания⁴, также запрета на перевод из закрытых колоний в колонии-поселении осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений и т.п. Получается, что с одной стороны законодатель ставит перед пенитенциарной системой задачу исправить преступника, но с другой стороны лишает этого преступника стимула к исправлению. Поэтому, следует закрепить в будущем УИК такой принцип, как стимулирование осужденных к правопослушному поведению (встречается во многих кодексах других стран, в том числе СНГ).

Кроме того, в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда непреодолимые противоречия в законодательстве негативно сказываются на правах и интересах осужденных лиц. Например, такое противоречие имелось между ранее действовавшей до 9 ноября 2011 года редакцией статьи 169 УИК и Нормативным постановлением Верховного суда РК «Об условно-досрочном освобождении от наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания» от 25 декабря 2007 года. Если норма УИК предполагала принятие решения об УДО исключительно в суде, то Нормативное постановление Верховного суда РК разрешало прокурорам отказывать в УДО не доводя материалы до суда. Поэтому, в каждом регионе (районе или городе) республики данный вопрос решался по своему, исходя из личных убеждений субъектов правоприменения, что уже само по себе создает условия для злоупотреблений.

В связи с чем, представляется оправданным и необходимым в целях усиления механизмов защиты прав и законных интересов осужденных, при возникновении спорных ситуаций придерживаться такого толкования законодательства, которое позволяло бы смягчить,

⁴ На июль 2012 года в исправительных учреждениях республики 94,3% осужденных содержатся за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

улучшить их положение. Это можно сделать через раскрытие в новом УИК принципа законности, указав, что неустранимые сомнения, возникающие при применении законодательства в отношении осужденного лица относительно отбывания наказания, должны толковаться в его пользу.

3. Предлагаемое в структуре будущего УИК название раздела «Помощь осужденным, освобожденным от отбывания наказания, и контроль за ними» требует некоторого осмысления. Из буквального толкования следует, что будущий УИК будет регламентировать в объеме самостоятельного раздела вопросы оказания помощи тем, кто уже освобожден от отбывания наказания.

Во-первых, правильной в этом случае будет говорить не об осужденных, а просто о лицах, так как они уже не отбывают наказание, даже если в отношении них после освобождения применены меры уголовно-правового воздействия (например, возложение на условно-досрочно освобожденных обязанностей).

Во-вторых, и это главное, не является ли регламентирование постпенитенциарных вопросов выходом за пределы компетенции Уголовно-исполнительного кодекса, у которого предмет регулирования являются, и по определению должны быть, аспекты исполнения уголовных наказаний? Во всяком случае, исходя из названия самого кодекса.

Следует напомнить, что по действующему законодательству функция по оказанию помощи бывшим осужденным возложена на местные исполнительные органы, что прямо закреплено в Законе РК «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» от 23 января 2001 года и упоминание об этом имеется в статье 178 УИК: «Акимат района (города областного значения), города республиканского значения, столицы оказывает содействие в трудовом и бытовом устройстве, а также в предоставлении других видов социальной помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания».

Если предположить, что авторы Концепции на самом деле преследуют цель возложить эти функции на пенитенциарную систему и урегулировать эти вопросы в будущем кодексе, тогда перед ними автоматически встает концептуальная задача по изменению его названия, так как он уже будет охватывать не только уголовно-исполнительные, но еще и социальные вопросы.

Не увлекаясь предположениями относительно намерений авторов Концепции, отметим, что рациональней для уголовно-исполнительной системы, исходя из ее устоявшихся функций и реальных возможностей, будет ограничиться оказанием помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания. Именно в таком смысле сформулирована глава 23 действующего УИК «Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними». Другое дело, что эта помощь должна быть более объемной, нежели в настоящее время, и не должна ограничиваться банальной оплатой проезда до места жительства. Но, на этом важном аспекте остановимся отдельно несколько ниже.

4. В Концепции ставится задача по упрощению порядка исполнения наказания в виде привлечения к общественным работам, что полностью оправданно с учетом большого положительного потенциала данного наказания в связи с его ярко выраженной социальной направленностью и крайне низкой практикой его применения. Например, согласно данным Комитета УИС: на 1 января 2010 года общественные работы выполняли 523 осужденных (0,68% в общей структуре отбывающих уголовные наказания), на 1 января 2011 года 654 (0,92%), на 1 января 2012 года 174 (0,27%).

При этом, разработчики Концепции в части способа решения данной проблемы ссылаются исключительно на видение разработчиков Концепции проекта УК новой редакции, где

говорится: «... установить, что общественные работы относятся к видам работ, не требующим какой-либо квалификации от осужденного, создания особых условий по технике безопасности, что исключало бы возможность получения осужденным профессиональных травм и заболеваний при выполнении общественных работ. При этом объекты таких работ будут находиться, как правило, в общественных местах, назначение таких работ должно приносить пользу обществу, а их выполнение осужденным будет являться общеизвестным фактом для большинства граждан, проживающих в данной местности, что будет являться действенной мерой по профилактике правонарушений».

Сама по себе цель по расширению условий для применения общественных работ вызывает одобрение, но для правильного избрания способов достижения этой цели, прежде всего, нужно знать причины низкой востребованности данного вида наказания.

В последний раз попытка улучшить практику назначения судами общественных работ была предпринята с помощью Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам уголовно-исполнительной системы» от 18 января 2012 года, которым в статью 30 УИК было введено положение, что списки объектов общественных работ ежеквартально представляются в суды местными исполнительными органами по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Однако, с момента принятия этих поправок ситуация не улучшилась, так как само по себе составление списка объектов общественных работ и предоставление его в суды никак не способствует увеличению самих объектов. Так, на 1 июля 2012 года отбывающих общественные работы по всей стране было всего 94 осужденных.

Так в чем же кроется истинная причина незаинтересованности работодателей в осужденных к общественным работам? Если проанализировать законодательство и вспомнить все предыдущие неоднократные заверения Комитета УИС, то все упирается в финансовый вопрос. То есть, общественные работы, которые по определению должны быть абсолютно бесплатными, являются таковыми только для осужденных, но не для работодателей. Именно на это указывается в пункте 3 статьи 30 действующего УИК: «Уголовно-исполнительная инспекция: ... контролирует своевременное поступление финансовых средств за выполненные осужденными работы в соответствующий бюджет». Из этого следует, что работодатель, например, в лице местного исполнительного органа, в любом случае должен начислять заработную плату осужденному лицу, которую должен перечислить в соответствующий бюджет, то есть самому себе, при этом нести затраты на банковских операциях.

Объективно говоря, это и есть единственная причина непривлекательности общественных работ для работодателей и при таких условиях осужденные к этому наказанию никогда не будут востребованы на рынке труда. И никакие изменения в УИК по упрощению требований к квалификации и технике безопасности для осужденных к общественным работам, как предлагают разработчики Концепций проектов УК и УИК, не приведут к широкому применению этого наказания, как это имеется во многих зарубежных странах.

Далее, авторы Концепции проекта УИК отмечают буквально следующее: «Контролем исполнения общественных работ будет табель учета рабочего времени, составляемый местными исполнительными органами и организациями, являющимися объектами общественных работ. Местные исполнительные органы могут использовать осужденного по благоустройству населенного пункта, отпадет необходимость сохранения специального рабочего места, для исполнения этого наказания. Объекты общественных работ появятся во всех населенных пунктах без исключения, что расширит их применение».

Во-первых, если вникнуть в суть первого предложения, то логически не исключается возложение контроля за выполнением общественных работ на тех, кто составляет табель учета рабочего времени. В данном случае это местные исполнительные органы и организации, являющиеся объектами общественных работ. Учитывая, что функция по

контролю за осужденными, независимо от вида уголовного наказания, всегда являлась и по определению должна являться прерогативой уголовно-исполнительной системы, а не работодателей, указанное положение требует доработки и уточнения.

Во-вторых, не совсем понятно, что означает «отпадет необходимость сохранения специального рабочего места». В действующей редакции статьи 42 УК установлено: «Общественные работы состоят в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ...». То есть действующее законодательство не ущемляет осужденное лицо в праве продолжать имеющиеся трудовые правоотношения на оплачиваемой основе. А вот авторы Концепции предлагают «использовать осужденного по благоустройству населенного пункта» лишив его специального рабочего места. Остается непонятным, чем продиктован такой репрессивный подход к трудоустройству осужденных, поэтому трудно согласиться с такой позицией.

С учетом всего вышеизложенного относительно имеющихся проблем с организацией общественных работ и предлагаемых в Концепции путей их решения, выглядит, по крайней мере, наивным абсолютное утверждение, что «объекты общественных работ появятся во всех населенных пунктах без исключения».

5. В тексте рассматриваемой Концепции имеется дважды ссылка на Концепцию проекта УК относительно необходимости отказа от такого уголовного наказания как исправительные работы. Приводится следующее объяснение: «...правоприменительная практика свидетельствует о слабой востребованности данной меры государственного принуждения и отсутствия перспективы его развития, что обусловлено переходом к рыночной экономике и изменению условий применения исправительных работ. Проблемы исполнения наказания возникают при сокращении рабочих мест или ликвидации организации, где работают осужденные».

Следует согласиться, что исправительные работы крайне редко назначаются судами в качестве уголовного наказания, о чем также свидетельствует статистика Комитета УИС: на 1 января 2010 года по всей республике было всего 78 осужденных к исправительным работам (0,10% в общей структуре отбывающих уголовные наказания), на 1 января 2011 года - 93 осужденных (0,13%), на 1 января 2012 года - 70 осужденных (0,11%).

Вместе с тем, нужно уточнить причины слабой востребованности данного вида наказания, ибо они кроются вовсе не в «сокращении рабочих мест или ликвидации организации, где работают осужденные». Проведенные ранее исследования по этому вопросу показали, что невостребованности исправительных работ способствует неудачная, а точнее устаревшая и не отвечающая современным условиям, законодательная конструкция данного вида наказания.

Так, согласно статьи 43 УК и главы 7 УИК исправительные работы отбываются по месту работы осужденного с удержанием части заработной платы в доход государства. В современных рыночных условиях, когда большинство рабочих объектов находится в частной собственности, работодателю не представляет особого труда уволить привлекаемого к уголовной ответственности работника, что и происходит зачастую на практике. Психологически такого работодателя понять можно, сам факт его вызова в правоохранительные органы с целью получения от него характеризующих обвиняемое лицо данных, вызывает естественное желание поскорее избавиться от такого работника. Поэтому, к моменту вынесения приговора часто бывает что подсудимый, который еще недавно имел работу, становится безработным и у суда нет правового основания назначать исправительные работы. Иными словами, следует говорить не о «сокращении рабочих мест или ликвидации организации, где работают осужденные», а о банальном увольнении работника, привлекаемого к уголовной ответственности.

С учетом изложенного, следует ли соглашаться с авторами Концепции проекта УИК в том, что у исправительных работ отсутствуют перспективы развития? В рамках существующей законодательной конструкции данного наказания – да, бесспорно. Но, если посмотреть на опыт других стран, в частности постсоветского пространства, то, кое какие перспективы все же можно разглядеть. Например, статья 39 УИК Российской Федерации устанавливает, что «исправительные работы отбываются в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного».

Как видно, указанный подход в исполнении исправительных работ не лишает его перспектив развития, так как нахождение места отбывания наказания является не проблемой осужденного, как в нашем случае, а государства в лице местного исполнительного органа и уголовно-исполнительной инспекции. Также важно здесь то, что исправительные работы позволяют использовать квалифицированных специалистов по профессии, не привлекая их к низкоквалифицированному труду, как это имеет место при общественных работах.

Таким образом, с учетом положительного опыта других стран исправительные работы как вид уголовного наказания можно реанимировать путем улучшения ее законодательной конструкции.

6. Отдельные положения Концепции, к сожалению, ограничиваются простой постановкой вопроса. В частности: «Как известно, ограничение свободы состоит, в наложении на осужденного судом обязанностей, ограничивающих его свободу, и отбывается по месту жительства под надзором уголовно-исполнительной инспекции. Вместе с тем, данный вид наказания конкурирует с институтом условного осуждения, который также состоит в надзоре специального органа по месту жительства с наложением на условно осужденного определенных обязанностей».

На этом мысль прерывается, и разработчики Концепции резко переходят к другой теме. Поэтому, данный фрагмент требует своего логического завершения, хотя, забегаая вперед, следует сказать, что между ограничением свободы и условным осуждением имеются как сходства, так и принципиальные отличия.

7. Отдельное внимание в Концепции уделено аспектам покамерного содержания заключенных, что вполне логично и своевременно с учетом ориентира Казахстана на общепризнанные международные стандарты в области содержания заключенных и обращения с ними.

Следует отметить, что покамерное содержание заключенных (как правило, по 1 - 2 человека в отдельной камере) во многих развитых странах является обычным стандартом. При таком содержании заключенных существуют идеальные условия для: а) индивидуализации процесса отбывания наказания; б) персональной психолого-воспитательной работы с заключенными; в) эффективного лечения больных заключенных, особенно заразной формой болезни; г) минимизации негативного психологического влияния отрицательно настроенных заключенных на положительно характеризующихся заключенных; д) обеспечения физической безопасности одних заключенных от других при возникновении межличностных конфликтах, так как всегда есть возможность изолировать потенциальную жертву; е) реализации заключенным естественного человеческого желания к уединению, что очень важно в условиях тюрьмы для сохранения своих жизненно-приобретенных положительных индивидуально-личностных характеристик; и т.д.

Покамерное содержание вовсе не означает круглосуточную изоляцию человека в отдельной камере, хотя такое практикуется в отношении злостных нарушителей с обязательной

ежедневной прогулкой. Для большинства заключенных степень изоляции зависит главным образом от их поведения в тюрьме, при положительном поведении они имеют право больше времени находиться вне камер, с условием участвовать в различных тюремных программах по их ресоциализации.

В Казахстане с советских времен сохранилась отрядная форма содержания осужденных к лишению свободы. Ее суть заключается в содержании в одном помещении (бараче) одного отряда количеством от 50 до 100 человек, в зависимости от наполнения колонии на конкретный период времени. Ни о какой эффективности индивидуально-воспитательной работы с осужденными с целью их исправления, что является ежедневной обязанностью сотрудников исправительной колонии, в таких условиях говорить не стоит. Очень тяжело в таких условиях обеспечить безопасность заключенных при неизбежных и частных конфликтах между ними, особенно в ночное время, когда они остаются в закрытом помещении без постоянного надзора. Отсюда и разделение осужденных между собой на различные касты по степени привилегированности. Именно при отрядно-барачной форме содержания осужденных появились так называемые «воры в законе», «авторитеты», «смотрящие» и т.п., чего нет в европейских тюрьмах с покамерным содержанием заключенных.

Как известно, идеология советского образа жизни заключалась в коллективном сосуществовании людей, поэтому эта модель была перенесена и на пенитенциарную систему. К тому же, во времена массовых репрессий она не требовала больших материальных затрат, необходимых как в случае строительства тюрем с покамерным содержанием.

Таким образом, отрядная форма содержания заключенных сегодня является главным негативным наследием советской пенитенциарной системы и источником укоренившейся тюремной субкультуры с ее внутренними устойчивыми правилами и иерархией криминальных субъектов. И без реального перехода к покамерному содержанию заключенных никакие реформы в пенитенциарной системе не приблизят ее к международным стандартам в области содержания заключенных.

В связи с чем, обозначение в Концепции процесса перехода к покамерному содержанию осужденных как перспективного направления вызывает безоговорочное одобрение. При этом отмечается: «...задача повышения эффективности уголовных наказаний не может быть решена только реорганизацией существующих ныне исправительных колоний в тюрьмы. Это возможно лишь при одновременной проработке и решения ряда вопросов, затрагивающих всю уголовно-исполнительную деятельность».

Соглашаясь в принципе относительно масштабности задачи по совершенствованию уголовно-исполнительной деятельности, лишь выразим некоторые сомнения по поводу целесообразности реорганизации существующих ныне исправительных колоний в тюрьмы.

Подавляющее большинство исправительных колоний республики было построено еще в советское время и их инфраструктура изначально предполагала отрядную форму содержания осужденных. Данная форма подразумевает не только содержание одного отряда количеством 50-100 человек в одном спальном помещении, но и расположение нескольких отрядов в одном локальном участке, а также коллективное питание в столовой, причем столовая может вмещать сразу всех осужденных данной колонии или несколько отрядов, общее построение всех осужденных колонии на плацу для проверки и др. В общем, ежедневный быт отбывающих лишение свободы в сегодняшних исправительных колониях ориентирован, за небольшим исключением, на принцип коллективизма.

Учитывая такую системную архитектуру действующих исправительных колоний, многие из которых к тому же уже выработали свой физический ресурс, выглядит нецелесообразным какая-либо их реорганизация в тюрьмы, так как инфраструктура тюрьмы (по современным

международным стандартам) в корне отличается от колониальной, о чем уже отмечалось выше. Поэтому, с практической и финансовой точки зрения рационально построить «с нуля» тюрьму с камерным содержанием, чем заниматься реорганизацией действующих морально и физически устаревших исправительных колоний.

8. Авторы Концепции предлагают «на законодательном уровне детализировать правовое регулирование порядка исполнения лишения свободы без отсылки к подзаконному урегулированию таких правоотношений, предусмотрев отдельную главу, регламентирующую порядок содержания осужденных в камерах», что является верным с правовой точки зрения.

Вместе с тем, так как полный переход к камерному содержанию осужденных не произойдет одномоментно, перенос из подзаконных актов на уровень кодекса важнейших положений, касающихся прав и интересов осужденных, а также их раскрытие, является не менее актуальным и для отрядной формы содержания осужденных.

Например, в «Правилах проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы», утвержденных приказом МВД РК от 30 марта 2012 года №184, используются такие критерии, как: «встал на путь исправления», «твердо встал на путь исправления», «доказал свое исправление», «не встал на путь исправления». Однако, эти понятия нигде не раскрыты, и это при том, что степень исправления осужденного учитывается при принятии таких важных решений, как его перевод из одних условий содержания в другие внутри колонии, условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, перевод в колонию-поселение, помилование и др.

И таких моментов в действующем уголовно-исполнительном законодательстве не мало. Поэтому указанный процесс «экстрадиции» из подзаконных актов на уровень кодекса положений, касающихся прав и свобод осужденных, должен быть не фрагментарный, а системный, чтобы результаты этого процесса распространялись на всех осужденных, а не только на тех, кто будет отбывать лишение свободы в камерных условиях.

9. Утверждение, что «для полного перехода на камерное содержание осужденных необходимо строительство 25 «новых» исправительных учреждений с лимитом 1500 мест каждое... если каждые 2 года строить хотя бы по пять таких учреждений, то к 2025 году возможен 100% переход на камерное содержание осужденных» требует своего осмысления.

Несложно подсчитать, что по мнению разработчиков данной Концепции общее количество отбывающих лишение свободы к 2025 году будет составлять порядка 37500 человек. Заметим, что это без следственно-арестованных, так как речь идет именно об исправительных учреждениях.

Интересно, откуда такие прогнозы и на чем они основаны? Корреспондируются ли эти прогнозы с текущим процессом гуманизации уголовного законодательства, динамикой численности заключенных и положениями Концепции проекта Уголовного кодекса РК новой редакции?

К сожалению, ни о чем этом не говорится рассматриваемом документе, поэтому попробуем это сделать самостоятельно из собственного видения ситуации.

Итак, текущий процесс гуманизации в стране берет свое начало 29 января 2010 года, когда Президент Республики Казахстан обратился с ежегодным Посланием народу Казахстана, в котором подверг жесткой критике судебную и правоохранительную системы и прямо сказал: «Этот сектор сохранил многие изъяны прошлой системы... Основным же видом наказания остается лишение свободы... Необходимо гуманизировать наши законы, повысить их качество». С того момента, а именно с января 2010 года по июль 2012 года, то есть за два с

половиной года, по данным Комитета УИС количество отбывающих лишение свободы и следственно-арестованных в республике уменьшилось с 63450 до 48400 либо на 15 тысяч человек. При этом, из 48400 человек: 41850 являются отбывающими лишение свободы, соответственно, 6550 следственно-арестованными. И эта динамика, с учетом принятия за эти два с половиной года ряда законов, направленных на сужение сферы применения лишения свободы, еще сохранится некоторое время.

В Концепции проекта Уголовного кодекса новой редакции нет прогноза об увеличении или уменьшении «тюремного населения» в будущем. Но, в нем четко прослеживается мысль о необходимости расширения условий для назначения альтернативных лишению свободы видов наказаний и предлагается не назначать лишение свободы за деяния, которые в новом УК будут отнесены к уголовным проступкам.

Нужно еще учесть стремление Казахстана уменьшить свой индекс тюремного населения⁵ в мировом рейтинге. К примеру, по данным Международного центра тюремных исследований наш тюремный индекс к концу 2011 года составлял 316 заключенных.

Вместе с тем, в странах Европы, куда мы ориентированы, тюремный индекс значительно ниже, например: в Исландии - 47, в Финляндии - 59, в Швеции - 70, в Норвегии - 73, в Германии - 83, в Нидерландах - 87, в Бельгии - 100, во Франции - 101, в Австрии - 104, в Италии - 109, в Греции - 111, в Португалии - 126, в Великобритании – 154 и т.д.

На территории постсоветского пространства тюремный индекс к концу 2011 года составлял: в Таджикистане - 130, в Армении - 146, в Узбекистане - 152, в Кыргызстане - 181, в Молдове - 182, в Туркменистане - 224, в Эстонии - 252, в Латвии - 304, в Литве - 314, в Украине - 336, в Азербайджане - 407, в Беларуси - 438, в России - 511 и в Грузии - 524⁶.

Как известно, бессменным лидером по индексу «тюремного населения» являются США – 730 заключенных на 100 тыс. населения, но при этом у них доля отбывающих тюремное заключение в общей структуре осужденных составляет 30%. В европейских же странах доля отбывающих тюремное заключение, в среднем, не превышает 10%. А в Казахстане на 1 июля 2012 года этот показатель в общей структуре отбывающих уголовные наказания составлял 78,1%.

Как видно, в Казахстане лишение свободы все еще остается доминирующим видом наказания. Поэтому есть еще резерв для дальнейшей гуманизации уголовного (в первую очередь) и уголовно-исполнительного законодательства, что повлечет еще большее снижение «тюремного населения» и снимет необходимость создания такого количества тюремных мест в стране, о котором говорится в Концепции к проекту УИК новой редакции.

10. В Концепции отмечается: «Уголовно-исполнительный кодекс требует анализа на наличие внутренних противоречий, дублирующих норм и пробелов, минимизации отсылочных норм. Целый ряд положений уголовно-исполнительного законодательства нуждается в тщательной, серьезной ревизии на предмет их соответствия предписаниям Конституции, уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Все еще имеются устаревшие нормы, нормы способствующие совершению коррупционных правонарушений, а также положения, требующие своего пересмотра с точки зрения приближения их к общепризнанным международным стандартам».

Замечание справедливое, поэтому достойно своего комментария.

⁵ Количество заключенных на 100 тыс. населения в отдельно взятой стране.

⁶ Данные Международного центра тюремных исследований по итогам 2011 года.

В части противоречий. В пункте 12 статьи 169 УИК говорится: «Условно-досрочно освобожденные, а также осужденные к наказанию в виде ограничения свободы, если они были направлены в исправительные учреждения в случаях, предусмотренных законом, могут быть вновь представлены к условно-досрочному освобождению от отбытия наказания или замене неотбытой части наказания более мягким не ранее чем по истечении одного года со дня вынесения судом решения об отмене условно-досрочного освобождения». А часть 8 статьи 70 УК РК прямо и без исключений указывает, что «условно-досрочное освобождение не применяется ... лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся».

В части норм, способствующих совершению коррупционных правонарушений. Пункт 2 статьи 84 УИК гласит: «Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), близкими родственниками (родители, дети, усыновители, усыновленные, братья, сестры, дедушка, бабушка, внуки), в исключительных случаях с разрешения начальника исправительного учреждения - с иными лицами».

То, что краткосрочное свидание может предоставлять с иными лицами, помимо родственников, является вполне нормальным явлением и тоже практикуется во многих зарубежных тюрьмах, с условием, что заключенный предварительно указал их в специальном списке и обосновал. Но, предоставление длительного свидания (от одних до трех суток – п.1 ст.84 УИК) с иными лицами с правом совместного проживания на территории исправительного учреждения вызывает, как минимум, недоумение. Не сложно представить, кто может приходить на такое «свидание» к осужденному в колонию, что, в общем то, и происходит реально на практике.

Поэтому указанная норма требует совершенствования. Исключение из числа не родственников можно оставить только лицам, не состоящим в официальном браке с осужденным, но имеющим с ним совместных детей, при условии предоставления официальных подтверждающих документов об этом.

В части устаревших норм. Статья 48 УИК обязывает проведение воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в виде ограничения свободы, причем оговаривается, что активное участие осужденных в проводимых мероприятиях воспитательного характера поощряется и учитывается при определении степени исправления. Данное положение закладывалось в действующий УИК еще в период его разработки в середине 90-х годов прошлого столетия, так как предполагалось исполнение ограничения свободы в специальных исправительных центрах (о чем прямо говорилось в УИК), а также наличие в этих центрах квалифицированных специалистов по воспитательной работе. Однако, исправительные центры так и не были созданы, а Законом РК от 21 декабря 2002 года статья 45 УК была изменена и изложена следующим образом: «Ограничение свободы состоит в наложении на осужденного судом определенных обязанностей, ограничивающих его свободу, и отбывается по месту его жительства под надзором специализированного органа без изоляции от общества...».

Поэтому, на сегодняшний день требования по проведению с осужденными к ограничению свободы мероприятий воспитательного характера выглядят нелепыми, так как осужденный отбывает наказание по месту своего жительства и проведение с ним мероприятий подобного рода в присутствии членов семьи, в том числе детей, ничего кроме как унижения не несет. Конечно, можно проводить такие мероприятия вне места жительства осужденных, но сама целесообразность их проведения вызывает большие сомнения на предмет эффективности, так как они будут восприниматься осужденными скорее в качестве принудительных мер, чем воспитательных.

Объективности ради отметим, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в реальности не обременяют себя организацией мероприятий воспитательного характера, так

как помимо статьи 48 УИК больше нигде, ни в одном подзаконном акте, детализирующих их деятельность, нет упоминания об этом. Соответственно, нет воспитательных аппаратов в структуре уголовно-исполнительных инспекций и нет требования к проведению таких мероприятий.

Однако, само существование статьи 48 УИК уже создает условия для злоупотреблений. Нигде не дается понятия мероприятия воспитательного характера для рассматриваемой категории осужденных, поэтому при желании всегда можно манипулировать, требованием участвовать в каких-нибудь мероприятиях, например в организовываемых городскими властями спортивно-массовых мероприятиях, а в случае отказа осужденного учесть это, как сказано в законе, при определении степени его исправления.

В части недействующих норм. В пункте 3 статьи 117 УИК «Условия отбывания наказания в исправительных колониях общего режима» закреплено следующее: «Осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях, в целях успешной адаптации к жизни на свободе разрешается по постановлению начальника исправительной колонии проживать в специальных общежитиях за пределами исправительной колонии под надзором...».

Такое же законодательное право проживать в специальных общежитиях за пределами исправительной колонии под надзором закреплено в статье 119 УИК «Условия отбывания наказания в исправительных колониях строгого режима». А в статье 129 УИК «Условия отбывания наказания в воспитательных колониях» при закреплении аналогичного положения уже применяется термин «как правило».

Однако, в реальной действительности таких специальных общежитий сегодня в Казахстане не существует и нет никаких предпосылок для их образования. Учитывая множество других нерешенных проблем в пенитенциарной системе, вопрос об их строительстве вообще не стоит даже в перспективе. Да и с рациональной точки зрения их строительство не целесообразно, так как в каждой области республики имеются колонии-поселения, куда в рамках статьи 73 УИК осуществляется перевод положительно характеризующихся осужденных. Учитывая, что условия отбывания наказания в колонии-поселении по сравнению с закрытыми колониями намного мягче, по сути, при законодательном закреплении за ними соответствующей функции, они вполне могли бы целенаправленно заниматься адаптацией осужденных к жизни на свободе (об этом более развернуто будет сказано ниже).

Приведенные выше примеры не исчерпывают проблемы внутреннего качества действующего Уголовно-исполнительного кодекса Казахстана. Требуется обстоятельная и скрупулезная работа по его приведению не только в соответствие с международными стандартами, а элементарно, в состояние адекватности реальному положению вещей в системе исполнения наказаний.

На этом анализ представленной Концепции проекта УИК новой редакции можно завершить, так как других положений заслуживающих комментария нами не усматривается. Однако, сам процесс разработки документа такого уровня является уникальным моментом, как для возможности комплексного решения накопившихся проблем, так и для создания правовых основ дальнейшего приближения системы исполнения уголовных наказаний к общепризнанным международным стандартам. В связи с чем, изложим свое видение относительно ряда положений действующего уголовно-исполнительного законодательства, хоть и не затронутых в Концепции, но заслуживающих обсуждения.

1. Исходя из того, что вся деятельность уголовно-исполнительной системы априори нацелена на достижение целей наказания, последние имеют центральное значение, как для внутренней архитектуры Уголовно-исполнительного кодекса, так и для направленности практики исполнения наказаний. Согласно действующему законодательству (ст.ст. 38 УК и 2

УИК) целями наказания являются: а) восстановление социальной справедливости, б) исправление осужденного, в) предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и иными лицами. Анализ же действующего УИК в купе со всей сопутствующей подзаконной нормативной правовой базой выявляет, что идея всего уголовно-исполнительного законодательства построена на достижении одной цели - это исправление осужденного лица.

Вместе с тем, в современной юридической литературе на основе результатов научных достижений в области психологии и передового опыта пенитенциарных систем зарубежных стран уже давно ставится под сомнение реальная возможность исправления человека в условиях изоляции. Очень метко подмечено: «Здравый смысл подсказывает, что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима... Действительно, ставя цель по приспособлению человека к жизни в обществе, его отделяют от этого общества; желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке, где каждый шаг расписан, что вырабатывает пассивность; думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных, что способствует взаимному заражению, и т.п.»⁷.

Даже если предположить возможность исправления человека в местах лишения свободы, то сам по себе этот процесс является сугубо внутренним, психологически сложным, означает моральное «перерождение» осужденного и положительное изменение его сознания, наличие и истинность которого зачастую невозможно определить. Внешнее поведение осужденного в условиях изоляции, вынужденного подстраиваться под правила внутреннего распорядка и требования администрации учреждения, не является истинным показателем степени его исправления. Тем не менее, термин «исправление» в таких сочетаниях, как «встал на путь исправления», «твердо встал на путь исправления», «доказал свое исправление», «не встал на путь исправления» является определяющим критерием при принятии решения о переводе осужденного внутри колонии из одних условий содержания в другие, условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, переводе в колонию-поселение, помиловании и др., о чем уже отмечалось выше.

Справедливо звучит вопрос и в несколько иной плоскости: как быть с теми, которые не исправились, так как имеют взыскания, но у них закончился срок наказания или наоборот, своим примерным поведением «доказал свое исправление», но в соответствии с фактически отбытым сроком не может быть освобожден условно-досрочно, не говоря уже о полном освобождении? А в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы или смертной казни цель по их исправлению вообще не применима.

Такая цель наказания как предупреждение совершения новых преступлений тесно связана с исправлением, так как вытекает из нее и дополняет в смысле желаемого результата. Однако, если обратиться к статистике Комитета УИС, в настоящее время в исправительных колониях республики 41% осужденных являются ранее судимыми, в их числе 2/3 ранее уже отбывали лишение свободы. Указанные цифры отчетливо показывают, насколько неэффективна деятельность пенитенциарной системы по исправлению преступников в условиях колоний, именуемых исправительными.

Поэтому в законодательстве и практике многих зарубежных стран, далеких от догм советской пенитенциарной науки, вообще не ставится цель по исправлению преступников с помощью содержания в тюрьмах. Например, в Законе ФРГ «Об исполнении наказания в виде лишения свободы» от 16 марта 1976 года закреплено: «Исполнение наказания служит цели научить заключенного жить в будущем с социальной ответственностью без совершения преступлений». То есть цель наказания не связана с морально-

⁷ Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы («Проблемы, дискуссии, предложения»). – М.: Юрид.лит., 1991. - 224с.

психологическим «перерождением» преступника в тюрьме, а обращена в будущее и заключается в его подготовке к социально-ответственной жизни после освобождения. Иными словами целью наказания является ресоциализация заключенного.

В криминологии термин «ресоциализация» означает процесс повторного вживания преступника в систему представлений о ценностях, существующих в обществе. В отличие от «исправления» термин «ресоциализация» шире, поскольку не ограничивается только лишь изменением сознания осужденного, но и предполагает его включение в положительные социальные связи после отбытия наказания. Представляется, что даже искреннее «исправление» осужденного, когда он отказывается от совершения новых преступлений в силу кардинальной положительной нравственной переориентации, еще не гарантирует возвращения в общество личность, способную адаптироваться к реалиям свободной жизни. Между тем государство, наказывая лицо за совершение преступления, должно нацелить уголовное наказание и систему исполнения наказаний на возвращение в общество не просто законопослушного, но и активно-полезного индивида. В противном случае, бывший осужденный не желающий нарушать закон, но не смогший положительно адаптироваться в обществе, вновь станет перед необходимостью переступить закон⁸.

Именно возвращение в общество человека, способного реинтегрироваться в него и отказывающегося от совершения новых преступлений, должно определяться в качестве целей наказания. Это полностью согласуется с требованиями статьи 58 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с заключенными 30 августа 1955 года, в которой указывается, что по отбытии срока заключения правонарушитель должен быть готовым и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование.

Конечно, сама по себе корректировка целей наказания с включением в них ресоциализации еще не решает указанную задачу. Нужна сквозная реконструкция всего уголовно-исполнительного законодательства, чтобы подчинить ее достижению этой цели. По опыту прежде всего европейских стран, необходимы разработка и применение в пенитенциарных учреждениях индивидуальных программ по ресоциализации осужденных, основанных на психологической диагностике личности преступника, учете среды его обитания до совершения преступления, а также уровня образования, профессиональных навыков, способностей и склонностей, характера совершенного преступления, отношения к жертве преступления и т.д. Причем, у них во всей этой деятельности активно участвуют как социальные службы местных исполнительных органов, так и аккредитованные общественные организации, что тоже, вполне возможно организовать в наших условиях через специальные государственные гранты.

Безусловно, организация такого подхода к исполнению наказания является очень не простой и трудоемкой, сопряжена на начальном этапе с фундаментальным пересмотром многих положений УИК и переориентацией пенитенциарной системы на достижение новой цели, результаты которой, в отличие от исправления, являются более осязаемыми.

2. Несмотря на всю сложность разворота пенитенциарной системы в сторону ресоциализации, отдельные правовые механизмы достижения данной цели уже сегодня можно заложить в казахстанское уголовно-исполнительное законодательство.

Так, в системе исправительных учреждений функционируют колонии-поселения, в которых согласно пункту 3 статьи 69 УИК отбывают наказание осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности и лица, впервые осужденные за совершение умышленного преступления к лишению свободы на срок до одного года, а также

⁸ Аккулев А.Ш. Уголовно-исполнительная политика Республики Казахстан: понятие, цели, принципы: Учебное пособие. - Астана, 2010. - С.84

положительно характеризующиеся осужденные, переведенные из исправительных колоний общего и строгого режимов. Всего в республике 18 колоний-поселений, имеются они в каждой области, общий лимит мест в них настоящее время составляет всего 3860, при общей численности отбывающих лишение свободы во всех учреждениях республики 41850 человек (на июль 2012 года).

Благодаря текущему процессу гуманизации законодательства количество отбывающих лишение свободы за неосторожные преступления в колониях-поселениях резко уменьшилось и эта тенденция сохраняется. По опыту европейских стран целесообразно внести в УК изменения с тем, чтобы за неосторожные преступления, не повлекшие особо тяжкие последствия, изначально назначались наказания не связанные с изоляцией от общества и лишь в том случае они заменялись на лишение свободы, если осужденный уклоняется от наказания или не выполняет возложенные судом обязанности. Такая перспектива имеет мощное воздействие на сознание осужденного в плане правопослушного поведения.

Что касается лиц, впервые осужденных за совершение умышленного преступления к лишению свободы на срок до одного года, то их число также не значительно и вместо колоний-поселений они могли бы отбывать наказание в следственных изоляторах, общий лимит которых сегодня составляет 13720 мест, при фактическом содержании в два раза меньше (на 1 июля 2012 года - 6550). Кстати, в 2010 году в следственных изоляторах уже создавались изолированные от следственно-арестованных локальные участки для содержания в камерах, осужденных к аресту. Безусловно, что условия содержания в следственных изоляторах значительно строже, чем в колониях-поселениях, но именно этот фактор кратковременной жесткой изоляции лиц, впервые совершивших именно умышленные преступления, закладывался в свое время в наказание в виде ареста. Так сказать, чтобы привыкнуть не успели, но и осознали отрицательные последствия совершения преступления.

В отношении положительно характеризующихся осужденных помимо перевода в колонию-поселение еще шире применяется условно-досрочное освобождение, например в 2011 году из закрытых колоний в колонии-поселения переведено 2782 осужденных, а условно-досрочно освобождено 7339 человек. Такая поощрительная мера, как замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания применяется хоть и реже, например в 2011 году в отношении 1280 осужденных, но, при желании и наличии осужденных заслуживающих ее, ничего не мешает расширить и эту правоприменительную практику.

Из всего этого следует, что колонии-поселения можно без особого труда освободить от нынешнего контингента осужденных и на их базе создать аналоги европейских полуоткрытых тюрем (реабилитационных центров), куда переводятся заключенные на заключительном этапе лишения свободы для подготовки их к освобождению и постепенному возвращению в общество. Например, в Нидерландах в такие заведения переводятся за 6 месяцев до окончания срока наказания. В наших условиях, с учетом законодательно установленных чрезмерно длительных по сравнению с европейскими стандартами сроков лишения свободы, это можно делать за один год до освобождения, при этом обязательно направлять в регион предполагаемого будущего проживания. Учитывая, что большинство колоний-поселений находится вблизи областных центров, режим полусвободы в них создает идеальные условия для подготовки осужденных к освобождению, то есть их ресоциализации.

В течение годичного срока с такими лицами можно было бы организовать содержательную работу по их подготовке к освобождению, с привлечением заинтересованных служб местных исполнительных органов и неправительственных организаций. Главной задачей таких учреждений было бы, прежде всего, оказание содействия осужденному в восстановлении утраченных социально-общественных связей. Еще до полного своего освобождения осужденный получал бы необходимую и полезную информацию о произошедших

изменениях за время его изоляции, имел бы возможность заранее трудоустроиться, восстановить утерянные документы, восстановить родственные и другие связи, в конце концов, спланировать свою жизнь после освобождения.

Такой алгоритм отбывания лишения свободы также согласуется с рекомендациями статьи 60 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, в которой говорится: «Желательно, чтобы перед завершением срока наказания принимались меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе».

К сожалению, нынешняя практика наших пенитенциарных учреждений в части подготовки осужденных к освобождению в связи с окончанием срока наказания, далека от всего этого. Все ограничивается, согласно статьи 176 УИК, информированием за шесть месяцев местных исполнительных органов о предстоящем освобождении лица, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. Также говорится, что с осужденным проводится интенсивная воспитательная работа с целью подготовки его к освобождению, разъясняются его права и обязанности. Однако, подобная подготовка к освобождению, априори, не может быть качественной, так как теория в данном случае лишена практики.

Если обратиться к статистике Комитета УИС, то в 2011 году из учреждений УИС освобождено 15185 человек, из которых 12648 из колоний закрытого типа и только 2537 из колоний-поселений. Проблема подготовки осужденных к освобождению предстает еще более актуальной, если учесть, что примерно треть осужденных отбывают лишение свободы в других областях, где и освобождаются.

Таким образом, предложенная выше схема постепенной реинтеграции осужденных в общество, широко применяемая во многих развитых странах, имеет все шансы быть внедрена и в наше уголовно-исполнительное законодательство и практику. Ожидаемый эффект - это более успешная адаптация бывших заключенных в свободном обществе и снижение уровня рецидива преступлений.

3. В деятельности пенитенциарных учреждений имеются проблемы, которые возникли в результате перекосов в гуманизации законодательства. Для стабильного их функционирования очень важно, чтобы любое изменение в УИК в части гуманизации вносилось через призму практической целесообразности. Тем не менее, анализ всех изменений и дополнений в УИК за последние годы говорит, что не всегда просчитываются вероятные риски. И одна из таких проблем заключается в следующем.

В соответствии со статьей 117 УИК осужденные, отбывающие наказание в колониях общего режима и содержащиеся в обычных условиях имеют право на получение в течение года шести посылок или передач и шести бандеролей. Содержащиеся в облегченных условиях имеют право на получение в течение года двенадцати посылок или передач и двенадцати бандеролей. Содержащиеся на льготных условиях вообще не имеют ограничений в количестве посылок, передач или бандеролей. Даже злостные нарушители порядка отбывания наказания или совершившие умышленные преступления уже в местах лишения свободы, которые содержатся в строгих условиях, тоже имеют право на получение в течение года трех посылок или передач и трех бандеролей.

В колониях строгого и особого режимов количество разрешаемых посылок, передач и бандеролей несколько меньше, но их количество тоже не ограничивается на льготных условиях строгого режима (статья 119 УИК).

К чему это привело на практике? Сразу оговоримся, что речь идет исключительно о закрытых учреждениях, но не о колониях-поселениях, где законодательно существует режим т.н. полусвободы, позволяющий положительно характеризующимся осужденным даже проживать за пределами учреждения, с вытекающими отсюда последствиями.

Огромное количество посылок и передач, преимущественно с продуктами питания, приводит к элементарной антисанитарии в колониях. Поступаемые продукты питания хранятся в спальнях, в которых не везде имеются холодильные установки. Осужденные отказываются ходить в столовую для приема пищи, что является причиной регулярного конфликта между ними и администрацией учреждения. Учитывая отрядную форму содержания в наших колониях, часть содержимого посылок (бандеролей) вынужденно передается осужденными в т.н. «общак» при колонии, которым пользуются и распределяют более продвинутые в тюремной иерархии личности, именуемые в данном случае «смотрящими». Конечно, такая ситуация не во всех колониях, но она реально существует.

Нужно еще учесть существующие возможности колонии тщательно проверять содержимое поступающих посылок, передач и бандеролей. Режимность объекта требует высокого качества проверки поступающих предметов, например, как в аэропортах. Однако, из-за отсутствия специальных технических устройств (сканеров и др.) проверка осуществляется вручную. При этом доходит до абсурда, когда контролеры с целью обнаружения запрещенных предметов вынуждены вскрывать пакеты и пересыпать сыпучее содержимое (напр., крупы, чай, сахар и т.п.), либо переливать жидкости из одной емкости в другую (напр., варенье, соленье и пр.) и т.п.

В тоже время, указанные действия, несмотря на понятный протест осужденных, являются оправданными. По официальной статистике Комитета УИС в 2011 году только при попытке передачи в колонии и следственные изоляторы скрытым способом запрещенных предметов было изъято 11 млн. 125 тыс. тенге, 11163 литра спиртных напитков, 6496 колюще-режущих предметов, 3245 средств мобильной связи, 127 кг. наркотических средств.

Говоря об истории и роли продуктовых посылок в жизни осужденных, следует признать их анахронизмом советского образа бытия, когда в стране существовал дефицит элементарных продуктов питания, а качество питания в исправительных учреждениях оставляло желать лучшего. Поэтому, стремление родственников осужденного передать ему домашней еды было вполне понятным по человеческим соображениям.

Следует сказать, что в современной истории впервые законодательное увеличение количества посылок, бандеролей и передач произошло в 1997 году с принятием действующего УИК. Тогда, в условиях экономического кризиса в стране и переполненных пенитенциарных учреждений такая мера была оправданной, хотя преподносилась как гуманный акт. Сегодня же ситуация с питанием осужденных несоизмеримо лучше. В среднем, на содержание одного осужденного к лишению свободы государство тратит в месяц 45 тыс. тенге, а на содержание следственно-арестованного 70 тыс. тенге. Это значительно больше, чем размер минимальной пенсии в стране.

Следовательно, наступило время ограничить их количество до пределов разумного. Можно сделать при этом отдельные исключения, например для медикаментов, которыми пенитенциарное учреждение не может обеспечить осужденного в силу их особой специфики.

В целом, уголовно-исполнительной системе Казахстана давно уже пора переходить на современные стандарты в этом вопросе. В частности, в европейских и американских тюрьмах вообще не практикуются продуктовые посылки и передачи, хотя отдельные законодательства допускает их в очень ограниченном количестве. Заключение имеют специальные счета, куда родственники могут направлять им деньги, а они в свою очередь могут на них приобретать в тюремных магазинах необходимые предметы и продукты питания. Приходя на свидание, родственники также в этих тюремных магазинах могут

приобретать необходимые товары для передачи заключенному, что упрощает процедуру их обыска при пропуске на территорию тюрьмы. При желании, все это можно организовать и в наших условиях.

В завершение отметим, что за двадцать с лишним лет независимости Казахстана в структуре правоохранительного сектора уголовно-исполнительная система подверглась наименьшему реформированию. На это влияет, прежде всего, отсутствие четкого стратегического видения вектора ее развития. Вышеизложенные предложения по ее совершенствованию отражают лишь небольшую часть тех проблем, решение которых позволит говорить о реальном приближении пенитенциарной системы страны к общепризнанным международным стандартам. И сегодня, когда идет процесс обновления уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, есть уникальная возможность придать ей цивилизованность.

Сентябрь 2012 г.